

Б.И.Коваль

К друзьям-научникам

Откровенное письмо в духе самоиронии*

Автор придал этой статье форму «открытого письма» к отечественным ученым-латиноамериканистам. Он раскрывает ряд принципиальных и важнейших характеристик советских исследований и нынешнего положения в политических науках в России, анализирует смысл тех трудностей и проблем, с которыми ныне сталкивается отечественная латиноамериканистика и предлагает некоторые новые методологии исследований.

Ключевые слова: латиноамериканистика, советский опыт, плюсы и минусы современной отечественной историографии.

«...Плохо то, что все наши думы не помогают нам думать. Тут нужно, чтобы хорошие замыслы сами собой являлись, как вольные дети Божии, и кричали нам: «вот и мы!». Иоганн Вольфганг Гете (цит. по: И.П.Э к к е р м а н. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., «Academia», 1934, с. 209).

НАСТРОЙКА

Дорогие мои друзья!

Неожиданно по какому-то наитию свыше, как и желал Гете, родилось в моей душе острое желание искренне и свободно потолковать о судьбах нашей латиноамериканистики. Вроде, о чем говорить? «Мы и так *все* сами знаем», — могут раздраженно заявить некоторые скептики и ревнители. Однако они либо ленятся подумать о наболевших проблемах, либо утаивают свои мысли, а может всем довольны и не хотят суетиться. Чаще всего, по-видимому, такие невидимые флюиды сплетаются в один клубок.

Я же намереваюсь его немного распутать. По своему опыту знаю, как важно найти необходимый психоментальный и эмоциональный настрой души, чтобы сохранить гармонию мысли. Даже гитару надо предварительно настроить, прежде чем на ней играть. Будем исходить из принципа, что

Борис Иосифович Коваль — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИЛА РАН (t.b.koval@yandex.ru).

* Термин «научник» первой ввела в оборот моя четырехлетняя правнучка Виктория Алексеевна Коваль. Он мне понравился. Недаром говорят: устами младенца глаголет истина. Я же, честно говоря, считаю себя не ученым, а именно «научником».

серьезный ученый есть не только классификатор и оценщик действительности, но и ее создатель. Как он истолкует историю, так мы ее и будем понимать. Разумеется, люди не глупцы и имеют свой здравый смысл. Однако без анализа фактов не обойтись, если не хочешь оказаться простачком.

По мнению Огюста Конта, Макса Вебера и ряда других выдающихся умов, исследователь не должен стремиться дать собственное толкование происходящего, а, напротив, должен лишь непредвзято представить объективную картину. По словам Вебера, там, «куда человек науки приходит со своим собственным ценностным суждением, уже нет места полному пониманию фактов»¹. Сам Вебер вопреки своим же суждениям не следовал этому принципу.

Всякое впечатление о фактах без их объяснения остается непониманием их смысла и значения. Не так ли? Именно так. У Гете, которым я сейчас увлекаюсь, есть мысль: если Бог знает, что я буду делать, то я вынужден делать то, что Он знает. Поэтому, наверное, я и «вынужден» хотя бы немного пооткровенничать с вами, мои дорогие сонауники. По правде говоря, я таким образом занимаюсь самолечением при помощи активизации позитивных сторон конфабуляции — так по научному именуют старческое слабоумие. Кто-то скажет, что надо просто регулярно принимать элениум. Я же полагаю, что полезнее использовать преимущества некоторых пенсионерских недомоганий. Известно, что бессонница помогает выстраивать логику раздумий, мышечная атрофия стимулирует интерес к созерцанию политического процесса, неконтролируемые метеоризмы снимают рези в животе и улучшают кровоснабжение мозга, угасание либидо компенсируется ростом воображения и т.д. Разве это плохо? Скорее, хорошо. С этим лирическим настроением я и оглядываюсь назад, чтобы не сбиться с пути вперед. В Ветхом Завете с печалью констатируется: «Нет памяти о прежнем, да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после» (Книга Экклезиаста, или проповедника, гл. 1, стих 11). Пока же есть память, а у стариков она обостряется, надо напомнить о прошлом, хотя бы для того, чтобы сделать приятное тем, кого уже нет. Только так и можно сохранить «togetherness» (чувство единения, совместности) поколений.

ХВАЛИСЬ, ХВАЛИСЬ, ДА НАЗАД ОГЛЯНИСЬ (пословица)

Теперь осторожно перейду к качественной стороне нашего «хорового пения дела». Известно, что отечественная латиноамериканистика сложилась на два с лишним века позже, чем на Западе. По сути дела лишь после 1917 г., да и то только по инициативе Коминтерна, взявшего курс на подготовку мировой социалистической революции. Вся исследовательская работа в советские времена велась в жестких политических и идеологических веригах смирения плоти и духа ученого люда. Сталинские традиции контроля и после смерти вождя долгое время сохранялись в полной мере. Это были и прямая цензура, и строгие партразборки, и официальные осуждения, и отстранения от работы, вплоть до арестов и изгнания из страны.

Теперь я все лучше понимаю недавние притеснения. Общественные науки опирались на фундамент, замешанный на цементной смеси «классового подхода» и «позитивистского» отстраненного анализа. Такое спаривание ежа с ужом не могло не привести к фактическому отрицанию общего экзистенциального смысла социальной истории. В этом, по моему мнению, заключалась главная ущербность предшествующего этапа научной работы. Так называемый «исто-

рический материализм» безапелляционно и громогласно объявил, что только и именно он, благодаря классово-пролетарскому мессианизму, является высшим типом глубокого, справедливого и объективного знания. Искренне признаюсь, что я, как и большинство коллег, также пристрастился к этому опиуму и усердно восхвалял все формы революционализма и отвергал любые поползновения к «социальному партнерству» и реформе. На этом поле и велись на мировой арене теоретические битвы между пролетарской и буржуазной науками. Советским духом были пропитаны все наши исследования по политической истории Латинской Америки. Вплоть до последних лет многие темы просто запрещались. Достоверная информация о реальной жизни стран Латинской Америки была крайне скудная и во многом извращенная. Зарубежные научные труды оставались неизвестными, и лишь отдельные из них, да и то только по строгой выборке, поступали в спецхран. Архивы были закрыты.

И тем не менее даже в этих условиях научная жизнь продолжалась. Было бы непростительной глупостью и самодовольным невежеством отрицать вклад советских ученых и задирать нос. Нынешний этап отечественной латиноамериканистики начался не с нуля, а базируется на трудах предшествующих поколений. Во многом теоретический уровень отдельных исследований в СССР был даже выше. И все же, положив руку на сердце, я прихожу к выводу, что в нашей сегодняшней деятельности сохраняются несколько общих слабостей и недостатков, и к старым порокам добавляются новые.

Попробую развернуть эту мысль и провести некоторую классификацию негативных причин и следствий. К *первой группе* я бы отнес некоторые, если можно так выразиться, *системные ограничения объективно-субъективного характера*. Прежде всего — это определенная узость и политическая ангажированность научного анализа, даже «классовая ограниченность» марксистской мысли. А мы все оставались ее «верными» приверженцами. Я взял слово «верные» в кавычки, поскольку такой имидж частенько носил сугубо формальный характер. На деле же эзоповским языком удавалось даже в чем-то нарушать принцип «партийности», оставаясь при этом членом КПСС. Правда, если увлечение свободой мысли становилось очевидным, тут же наступали тяжелые дни гонений и остракизма. В итоге на субъективном уровне такая линия порождала некое чувство страха и робости, с одной стороны, и карьеризма — с другой. И постоянную самоцензуру — с третьей. Среди ученых начинались внутренние дрязги и взаимные обвинения, хотя чаще всего на базе сугубо личных интересов, зависти, групповщины, нередко скрытого антисемитизма.

К *второй группе* ограничений и слабостей я бы отнес традиции позитивистского отчуждения от предмета анализа и политическое морализаторство. Проще говоря, такой подход отражал узко «классовое», но не экзистенциально-гуманистическое отношение к людям и их поступкам. Можно сказать, что в этом проявлялись явные бесчувственность и сухость, даже бездуховность. В исторических трудах почти ничего не говорилось о спиритуальной жизни людей, их религии и частном поведении, массовой психологии. Считалось чуть ли не зазорным рассуждать об иррационализме в политике, эмоциональном состоянии роли «человеческой энергии» как самостоятельном факторе. Вся история выглядела при таком подходе как кем-то со стороны predetermined, расписанная по категориям и насквозь рациональная линия жизни. Свобода воли самого человека допускалась лишь в рамках данного формационного и идеологического рабства.

К третьей группе ошибочных и зловредных ориентаций, по-видимому, можно отнести полную зависимость от идеологии, признание культа насилия в историческом процессе, сплошной панегирик классовой борьбе и национально-освободительным революциям. Сколько дифирамбов было посвящено героизму коммунистического движения, повстанческих выступлений, борьбе против диктатур и империализма. Сейчас я особенно остро почувствовал ложь такого рода преувеличений и наивных упований. Нередко вместо серьезного анализа предлагались пышные агитки и восклицания. Несколько лет назад я попытался раскрыть эту проблему в книге «Трагическая героика XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса» (М., «Наука», 2005), но так и не преодолел полностью давление былой традиции.

К четвертой группе типических несуразностей и просчетов следует отнести и некоторые сугубо персоналистские слабости и привычки. Большинству наших трудов присущ, как и прежде, дидактический стиль поучения и морализаторства. Частное мнение выдается за истину. Душа событий и авторское отношение к ним остаются за кадром. Сегодня налицо общее и почти приятное раболепство перед информацией. Она стала необъятной и легко приобретаемой, но часто недостоверной, хотя и правдоподобной. И прежде, и теперь сохраняется привычка переоценивать талант признанных научных авторитетов, тем более, если они принадлежат к классу руководителей и администраторов высшей категории. Мы по-прежнему любим цитировать сентенции национальных политических лидеров, восхвалять мудрость иностранных авторов. На мой взгляд, многие их концепции вызывают лишь ослабление собственного ума. В академической науке принято в целях самосохранения писать умно, и даже заумно, сложным и непонятным языком. Это, якобы, имплицитно свойственно «серьезной науке», а кто этого не понял, тот дурак и невежа.

И, наконец, в пятую группу типических черт научной работы, если речь идет о больших академических институтах, я бы включил весь комплекс административного пыла руководящих лиц — от зав. сектора до директора, и так вплоть до президиума академии. Всякого рода формальные отчеты и проверки, глупые методы оценки эффективности по каким-то баллам, погоня за листажом и проч. Гонка большая, а вот, опубликовать законченные исследования очень трудно. Теперь начальство говорит: «на это нет денег». Раньше было все же лучше. Плановые работы издавались за счет Академии наук. В советские времена процветала идеологическая доминанта, теперь — сплошная коммерциализация. Более того, некоторые ярые борцы за прогресс и «поднимание России с колен» грезят о сокращении государственных финансовых субсидий и даже о закрытии «в целях рывка вперед» самой Академии наук. Одним словом, и в СССР, и в Российской Федерации были, сохраняются и даже постоянно модернизируются некоторые странные и вредные рецепты научного прогресса. Может быть, зимняя олимпиада в Сочи 2014 г. сдвинет дело с мертвой точки, и наша наука по свежей зимней трассе понесется, как гоголевская Тройка, вскачь в неизвестном направлении.

ТЕКУЩИЙ МОМЕНТ

«Способность помнить прошедшее и представлять себе будущее, — писал Л.Н.Толстой, — дана нам только для того, чтобы вернее решать по-

ступки настоящего, а никак не для того, чтобы жалеть о прошедшем и готовить будущее»². Если озаботиться научной победой на сегодня и завтра, то в соответствии с традицией метеорологической службы ничего точно и определенно сказать нельзя. Пока погода стоит неустойчивая и пасмурная. Иногда бывают кратковременные просветы, но чаще тучи и дождь. Я вовсе не отрицаю, что ряд трудов отечественных ученых, издаваемых в настоящее время, входит в число значимых и новаторских исследований. Особенно это видно на примере экономических работ и публикаций по международным отношениям. Серьезный шаг вперед был сделан в створе цивилизационных разработок, политологии, проблем испанистики и конфликтологии. Институт Латинской Америки и другие научные центры более органично вписались в международное научное сообщество, участвуют практически во всех крупных глобальных форумах и конференциях. Продолжает свою полезную работу журнал «Латинская Америка», хотя он находится в крайне тяжелом положении ввиду драматического сокращения финансирования со стороны Академии наук. По-видимому, следует обратить особое внимание на поиск российских спонсоров, чтобы ненароком не попасть в список подозрительных «иностранных агентов». По моему ощущению, за последние два-три десятилетия отечественная латиноамериканистика все же заметно скукожилась и, увы, продолжает уменьшаться в масштабах и значении, подобно шагреновой коже. Об этом свидетельствует целый ряд показателей. Естественно, я выражаю личное мнение и был бы рад ошибиться.

Существенно сократилось общее число научных и педагогических кадров. Средний возраст исследовательского корпуса серьезно увеличился. Многие молодые ученые после окончания аспирантуры предпочитают «эмигрировать» от науки в сторону бизнеса и административной работы. Число наиболее квалифицированных кадров невелико. Многие серьезные ученые «ушли» — кто на пенсию, кто на небеса. Одним словом, налицо некий локальный демографический кризис. Приток юных талантов почти прекратился. Утерянный престиж науки, заработка, закупка творческого воплощения способностей, житейские потребности — все это отталкивает молодежь в сторону более привлекательных и обеспеченных сфер труда.

Заметно сузилась тематика исследований. Основные силы, притом также малочисленные, сосредоточились вокруг политэкономии и политологии, да, и то чаще всего в сугубо инфомационно-констатирующем стиле. Вопросы истории, этнографии, культуры оказались оттесненными на третьестепенные позиции. Я уже не говорю о философии, социологии, религиоведении, которые и прежде обретались в стороне от mainstream. Такая же судьба постигла изучение аграрных проблем Латинской Америки, демографических процессов, социальных отношений между трудом и бизнесом, гражданского движения и др.

Изменился не только общий вектор нашего интереса, но и вся теоретическая и методологическая основа работы. Самое главное «недомогание», на мой взгляд, связано с кризисом теории и философии латиноамериканской политической истории. Отдельные ученые прилагают немало сверхусилий, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, но пока они еще не увенчались успехом. Да, может быть, они и не являются уж такими сверхусилиями, поскольку внутренние мыслительные напряжения ныне во многом замещаются плодами чужого ума. Я говорю об Интернете. Перенасыщение информацией не только умаляет энергию самомнения, но невольно заменяет независимый анализ. Собственная

мысль остается из-за этого убогой и маргинальной. Я бы мог воскликнуть, перефразируя слова Евангелия: Возлюби Интернет, как самого себя, но все же не забывай о личной творческой свободе. Важно научиться глядеть на нечто существующее вне нас в гармонии с тем, что нам самим присуще.

Чтобы завершить этот пассаж, скажу, что нередко при знакомстве с новыми публикациями сразу ощущается «запах» электронной мысли, которая как бы отчуждает меня от меня самого. Наши соотечественники от коммерции, словно воробьи на кусте, с упоением щебечут о необходимости добиться конкурентоспособности отечественной науки. Спрашивается, возможно ли это? Думаю, что сейчас и в ближайшие годы такая цель недостижима.

Научные мозги России вполне конкурентоспособны, но им нужны воля и хорошее государственное обеспечение. Однако, увы, ни финансирование, ни уровень демократии, ни возможности для публикаций, ни профессиональные амбиции, ни мотивационные факторы и многое-многое другое не соответствуют современным вызовам. Глупо и безнравственно требовать от гонщика по формуле «Гран-при» победы, если у него уже на втором круге дымятся покрышки. Поэтому, мне думается, что пора трезво оценить обстановку и не увлекаться ура-боевыми лозунгами.

Наша латиноамериканистика вполне конкурентоспособна именно потому, что не рассматривает себя как товар, а в силу своих возможностей честно и с пользой для страны изучает «чужую историю», находясь от предмета интереса за тысячи километров. Ведь и большинство иностранных книг, посвященных России, не сравнятся с широтой и глубиной отечественной науки. Уверен, если бы мы издали на испанском и английском языках хотя бы 50 наших лучших исследований, мировая научная общественность признала бы их высокий уровень. Отучиться от «позитивного» фактоприятия и перейти к свободным и серьезным раздумьям о смысле реальных политических процессов крайне трудно. Мы только вступаем в эту зону.

Я бы мог, конечно, продолжить свои откровенные стенания, но делать этого не буду по причине угрозы тахикардии. И вовсе не уверен, что мои соображения (ощущения) кого-либо интересуют или способны заинтересовать. Ограничусь тем, что я их высказал сам себе и таким образом в чем-то успокоил душу.

Уверен, что только совместно мы сможем прийти к более серьезным размышлениям о судьбах латиноамериканистики и собственной работе. «Тяжело бывает человеку знать про свои грехи, — писал Л.Н.Толстой, — но и зато большая радость чувствовать, что освобождаешься от них»³.

Засим кланяюсь. Примите и прочее...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М. В е б е р. Избранные произведения. М., 1990, с. 723.

² Л. Н. Т о л с т о й. Путь жизни. М., 1993, с. 276.

³ Там же, с. 81.